

Повесть о заводе

Несовершенна и недолговечна человеческая память. Лишь яркие, эмоционально окрашенные эпизоды, необычные обстоятельства и поступки людей задерживаются в ее тайниках, а прочие бытовые подробности, которые по существу и составляют нашу жизнь, безвозвратно теряются. И чтобы сохранить целостной картину общественного бытия, необходимо выстроить в один ряд воспоминания многих и многих людей, живших и ныне живущих в рассматриваемом временном отрезке. Необходимо сообща написать Большую Повесть о коллективном мужестве, стойкости духа, готовности самопожертвования, молодом задоре, верной дружбе и чистой любви. Необходимо сообща написать историю нашего Богословского алюминиевого завода...

Время набатом: «БАЗ»!

Все было: грусть, восторг побед...

Кипела жизнь, как электролиз...

И сорок шесть прекрасных лет —

Уже вдали, как скорый поезд.

Репетиция хора закончилась, и толпа хористов-мужчин (большинство в приличных костюмах, но некоторые — в рабочих куртках и свитерах и даже валенках) потянулась к выходу. Шли, балагуря, подначивая друг друга — кто, серьезно сдвинув брови, а кто, хохоча.

— Нет, скажи, Серега, как пели сегодня... Нормально же?

— Распевались долго...

— Ну, не скажи. Уже на первой песне запев сразу стал получаться...

А он, герой моего очерка, подойдя к дирижеру хора Павлу Манылову, удивленно разводил руками:

– Не ожидал, но так действительно получается лучше. Особенно после «...темнеют облака-а-а...». Здесь надо бы еще форсированнее. Но первые немного запаздывают...

Он говорил убежденно, изредка помогая себе жестикуляцией, и высокий со спокойно-уверенным лицом собеседник немногословными репликами выражал полное согласие с его доводами.

Феликс Давыдович Демидов-Полякман. Живая легенда нашего Богословского алюминиевого завода. Завода-заводища. Непокосимого, уверенного в себе, с богатой событиями биографией. Завода, судьба которого неразрывно связана с судьбами людей, на нем работавших и работающих поныне. Завода, судьба которого сегодня вдруг оказалась в чужих руках невесть откуда объявившихся собственников – расторопных и хватистых.

Сорок шесть лучших лет своей жизни отдал Феликс Давыдович БАЗу. Хотя почему отдал? Не отдал, а разделил, потому что и завод сделал прожитую им жизнь наполненной смыслом, свел его с огромным количеством людей, оставивших добрый след в его сердце.

– Я как-то подсчитал, сколько заводчан помню настолько, что могу рассказать о них. Получилось – 1200...

Феликс Давыдович заразительно смеется и в ответ на мой недоуменный взгляд добавляет:

– Конечно, не всех – по именам. Но по фамилиям – точно помню. Особенно бригадиров. Вы знаете, вот много их было. Кто-то пошел на повышение, кто-то на пенсии: как говорится, иных уж нет, а те далече... И ни одного не было среди них случайного человека. Каждый из них был личностью. Каждый из них – это яркая судьба, это редкий и самобытный талант постижения тайны электролиза... И все, чего достиг завод, это их, бригадиров-электролизников, благодарить надо.

Любовь с хорошей песней схожа

...Мелькают весны, будто сны.

Цветут каштаны, зреют сливы.

Далекий Киев... нет войны...

Еще отец и мама живы...

Феликс Давыдович Демидов-Полякман родился в далеком довоенном 1932 году. Детские годы прошли в славном граде Киеве, в самом сердце его – на Крещатике. Счастливое, беззаботное время, когда тебя любят и понимают, когда жизнь с ее безоблачными горизонтами еще вся впереди. Отец работал главным инженером Суконного треста (уже много позже Феликс Давыдович узнал, что такое вот «деревенское» название маскировало целую отрасль оборонной промышленности

Украины). Мать была преподавателем русского и украинского языков и литературы. Феликс ходил уже во второй класс, когда Киев начали бомбить. А день его девятилетия пришелся на день, когда семья, перебираясь из Киева в Харьков, заночевала в придорожных кустах под Полтавой.

– Это самые яркие по своему ужасающему трагизму страницы моей жизни, – говорит он. – Все рушилось, коверкалось, умирало. Харьков был весь в противотанковых надолбах и руинах. По городу ходили трамваи и танки. Бомбежка шла с методичной арийской педантичностью: с 9 вечера до 5 утра. Семья жила ожиданием эвакуации. Отец руководил огромным комплексом работ, связанных с демонтажем нескольких десятков военных заводов. Выехали мы из Харькова одним из последних эшелонов спецназначения за неделю до взятия города фашистами...

Алма-Ата встретила маленького Феликса непривычными умиротворенностью и тишиной. Жизнь потихоньку входила в свою колею. После окончания школы колебаний не было – только горно-металлургический институт. Энергия юноши была через край, и он выплескивал ее и в спортивных баталиях, и в занятиях хоровым пением, и в комсомольской работе. Там, в Алма-Ате, он встретил необыкновенную девушку – Машу, Машеньку, Марию Григорьевну, с которой шел по жизни 25 лет, которая до сих пор светлым счастьем живет в его памяти. (У Машеньки была такая трагическая судьба, что даже многое успевший повидать Феликс не понимал, откуда столько душевных сил у хрупкой, молоденькой девушки. Она пережила в Ленинграде всю блокаду. Потеряла отца и братьев. Десятерых родных братьев и отца, сложивших свои головы на подступах к Ленинграду...)

В Алма-Ате родился его первенец Женя, у которого были задатки талантливого инженера.

Мария Григорьевна умерла в 1978 году, а в 1994 году в возрасте сорока лет, в расцвете сил, умер Женя...

Коль песни требует душа

Все было: споры, всплеск идей

И юный пыл решений скорых.

Ну и конечно, был тот день,

Далекий день рожденья Хора.

Он вынес удары судьбы. Он не сломался, хотя были, что скрывать, моменты, когда жизнь теряла свой смысл. Он жил, потому что остались рядом с ним его дочь Раечка и сноха с двумя малолетними мальчиками. Он жил, потому что на нем замыкались технологические хитросплетения основного цеха завода, которые он бесконечно отлаживал, доводя до совершенства. Он жил, потому что на нем висели взваленные когда-то однажды заботы, связанные с любимым детищем – мужским цеховым хором.

– Первые попытки создания хора предпринимались в 1956 году. Но только

с 1960 года в цехе стал работать постоянный смешанный хор, в котором пели девушки из ОТК и РПП, – рассказывает Феликс Давыдович. – В марте 1961 года из него выделился чисто мужской хор... Я тогда был секретарем комсомола электролизного цеха.

Феликс Давыдович не любит выпячивать свою роль в деле созидания хора. Но мы-то знаем, что только благодаря его настойчивости хор состоялся. И не одобрявший вначале идею начальник цеха В. С. Киселев (сказавший тогда свою крылатую фразу: «Вот хора только нам и не хватало») сдался под напором деятельного комсомольского вожака, и сам стал его сторонником.

Первым дирижером и хударком хора был Александр Иосифович Лесухин. Не имевший музыкального образования, он имел начальные навыки хорового пения, полученные в церковном хоре.

– Первой нашей песней была разудалая «Почта сарафанная», – вспоминает Феликс Давыдович. – А первое выступление, которое проходило в нашем Дворце культуры, началось с конфуза. Вышли мы на сцену. Взгромоздились на помост – сотня дюжих электролизников. Вышли перед хором наш «Ляксандро» Иосифович и баянист Вася Саянок. И только занавес раздвинулся, помост затрепал и поехал... Все мы повалились на пол. В зале хохот и шутливые возгласы... А мы деловито встали и, как ни в чем не бывало, начали петь... Тут вдруг гаснет свет... Но и это нас не выбило из колеи – мы свою программу под одобрительный гул зала допели до конца.

Много внимания уделял хору заступивший на должность начальника цеха П. Л. Устич. Именно по его инициативе был создан художественный совет цеха, который возглавил всю культурно-массовую работу и взял на себя обязанности по опеке над хором.

Руководители всех рангов не считали зазорным участвовать в хоре. Так, участниками в разные годы были П. Л. Устич, П. П. Бастрикин, Н. Д. Бахтин, А. Н. Успенский (который и поныне, уже давно, будучи пенсионером, поет в хоре), И. С. Кондрашкин, Г. М. Мануйлов, А. П. Измайлов, Ю. И. Двинин, А. Г. Бисеров и нынешний начальник цеха – Н. В. Марков. А первыми его участниками были молодые рабочие В. Теребеж, И. Огоньков, Л. Ерофеев, А. Потеруха, М. Сердюк, Ю. Гарицкий, В. Смирнов, Л. Иванов и большая семья Лесухиных.

Это наша с тобой биография

*Их будут знать во всех российских весях,
И в смутных очертаньях дальних лет
Все впереди: и время главных песен,
И яркий отсвет будущих побед.*

...А хор, получив поддержку со стороны руководства завода, сделал огромный качественный скачок. Сменив самодеятельных музыкантов-самоучек, его учителями и наставниками теперь стали опытные профессионалы. И результаты не заставили

себя ждать. В 1975 году хору было присвоено звание «Народного коллектива». В декабре 1976 года хор стал лауреатом Всероссийского и Всесоюзного фестиваля самодеятельного творчества трудящихся. В 1977 году он, выступая на сцене Кремлевского Дворца съездов, заслужил гром аплодисментов и высокую оценку специалистов хорового пения. В 1995 году хор стал лауреатом областного смотра «Салют Победы». В 1999 году его выступление на фестивале «Богат талантами Урал» стало заметным явлением в музыкальной культуре нашей области. В 2000 году хор стал лауреатом второго фестиваля «Салют Победы». А за свои 40 лет существования хор электролизного цеха был награжден десятками грамот, дипломами лауреатов заводских и городских смотров, многочисленными призами и выпелами.

Нынешний руководитель хора П. В. Маньлов пытается удержать планку творческого мастерства хора на уровне прежних лет. В репертуаре хора – по-прежнему сложные в техническом отношении произведения русской классики и духовного пения.

И вечный бой – покой нам только снится

И с детством неразрывна связь,

И жизнь – как яркое мгновенье.

В нем физик с лириком, родясь,

Живут в счастливом единенье.

Феликс Давыдович Демидов-Полякман и по сей день не мыслит себя вне своего детища. Недавно его торжественно провожали на заслуженный отдых. Во Дворце культуры было многолюдно. Было сказано немало теплых слов, произнесено тостов и здравий его друзьями и сослуживцами. Среди пожеланий кто-то из выступающих высказал и такое: дескать, желаем вам, уважаемый Феликс Давыдович, отдыхать на природе и работать в саду...

– Какой такой отдых? Какой такой сад? – смеется Феликс Давыдович, – Да не могу я без людей, без хлопот и проблем, без пения, наконец...

А еще, пожимая мне на прощание руку, сказал: «Вы только меня не очень-то хвалите... Я так неловко чувствовал себя на том прощальном вечере... Не привык я, старый производственник, к похвалам. О хоре больше хорошего расскажите».

Что ж, о хоре, действительно, наверное, надо рассказать подробнее. И я думаю, что в канун его юбилея о нем будет отдельный рассказ. Но всякий раз, я твердо в этом убежден, воспоминания о хоре будут переплетаться с воспоминаниями о его бессменном общественном директоре – Феликсе Давыдовиче Демидове-Полякмане. Иначе и быть не может. Так тесно переплетены их судьбы...

И как-то так получается, что в этих разговорах его основная работа как бы заслоняется общественной. А ведь он, прежде всего – опытный металлург, обладающий к тому же высочайшего уровня организаторскими способностями. Сорок шесть лет, как заведенный механизм, он в 5 утра соскакивал с постели и в 6 –

появлялся на рабочем месте. Его работоспособность поражала всех, кто его знал. Он вникал в любые технологические мелочи. И не случайно именно при нем капризная и неустойчивая технология электролиза совершенствовалась и шла к устойчивому динамическому равновесию.

...Вот так и жил он – един во многих лицах. Конечно, годы берут свое. Но, глядя на него, подвижного, озорного, ироничного, как-то не поворачивается язык назвать его пенсионером. Да и какой он пенсионер, если день его, как и прежде, до краев наполнен все теми же хлопотами и заботами. Если ему, как и прежде, покой только снится...

Борис УГЛИЦКИХ.

Углицких, Б. Повесть о заводе : [металлург Богословского алюминиевого завода, бессменный общественный директор мужского хора электролизного цеха БАЗа Феликс Давыдович Демидов-Полякман, г. Краснотурьинск] / Борис Углицких // Заря Урала. – 2001. – 3 марта (№ 28). – С. 2 : фот.